

Федор Метлицкий

ОСТРОВ ГУННОВ

Федор Федорович Метлицкий

Остров гуннов

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6247166

Аннотация

На затерянном в бесконечном океане острове, куда переселились остатки когда-то исчезнувших народов, в лето 13025 от Великого Похолодания появился пришелец из другой цивилизации. Там он увидел наивные средневековые порядки, где хозяйничают «новые гунны», и население живет само по себе.

Он строит Свободную зону, как у себя на родине, вызывая непонятное ему противодействие.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	7
3	20
4	44
5	61
6	71
7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Федор Метлицкий

Остров гуннов

Часть первая

Катаклизмус

*Да, скифы мы! Да, азиаты мы,
С раскосыми и жадными очами!*
Александр Блок

1

Это случилось в маленькой стране на затерянном острове посреди океана, где уровень представлений местного населения, ограниченного пределами пространства и времени, не поднимался выше слепой зависимости от вещей предметного мира.

По законам множеств равнодействующие силы истории этой страны пребывали в точке кризиса. Свободная в выборе, она, подобно ветру, на самом деле безвольно неслась в общем потоке неизвестно куда. Саморазрушение замедлилось и застопорилось, титульный род перестал рожать, и лишь на окраинах неудержимо размножались племена. Время пере-

стало идти, образуя заводи, покрывшиеся болотной тиной, и расплескать ее могло лишь одно – взрыв тлеющего вулкана посреди этого острова, и затем последняя гигантская волна, которая затопит все.

Прошло много времени с тех пор, как я попал в эту страну, где теперь, в темнице, жду приговора. Врата тюрьмы – это вход в ад, установленный мистической силой общественного договора, где и жертва, и даже надзиратель уже не принадлежат себе. Замкнутый в клетку клубящийся кошмар болезненного состояния, утягивающий в безумие. Здесь задача – не вернуть человека к нормальной жизни, а довести его до дна падения.

Мне теперь это на руку. Спасительная могила, где похоронил себя после смерти той, которую любил.

Но это ничто по сравнению с природным катаклизмом, поколебавшим этот остров. Скоро исчезнет ненависть, и не будет виноватых. Жизнь – это уже не отсрочка абстрактной смерти, а внезапная догадка, что и любовь, и все твое противостояние, ленивые надежды, рассчитанные на неопределенное время, уже бесполезны, все просто провалится в небытие, оставив развалины надежд и неоконченных дел, которые казались такими важными.

Я заканчиваю мои, может быть, последние записки. Кому они нужны, написанные для себя, не знаю. О чем хотел поведать? Что прожил зря, не оставив по себе ничего заметного?

Когда думаешь о смерти, все-таки первым встает банальный вопрос, может быть, еще без осознания полной картины: что оставляю людям? Но это сейчас не проходит. Оставить заметное – бессмысленно. Накроет лава вулкана, и мы исчезнем под стометровой толщей пепла.

Может быть, это последняя попытка ухватиться за щепку, пахучую исцеляющую щепку, чтобы выплыть в великое одиночество ожидания.

А было так.

Я очнулся на кромке берега, у носа плескались волны. Болела голова, я потрогал затылок, там был синяк.

Плоская первобытная земля, как будто попал во времена, когда еще не зародилась жизнь. Далеко невысокие неприметные сопки, и возвышается странная гора, из которой идет дым. Может быть, этот остров вулканической природы? А сзади только водный горизонт перед глазами – бесконечный океан, серьезный, не допускающий легкомыслия. Он навевал одиночество, словно за этим горизонтом новый горизонт, и нет ему конца. Здесь хорошо начать новый человеческий род, если бы рядом оказалась Ева.

Потрогал себя, комбинезон высох. Летнее тепло. Что случилось? Да, был в командировке на краю моей земли, куда-то летел и потерпел крушение. Наверно, попал в быстрое тепловое течение, вроде Гольфстрима, оно унесло неведомо куда. Что это за берег?

Странное ощущение: забыл весь объем своей жизни, наверно, выросшей из какой-то истории, – амнезия, отчего возникло отчаяние полного одиночества во вселенной. Амнезия – страшное состояние. Все, чем болел, страдал, что любил, – все исчезло, и только подземный гул напоминал о чем-

то погибшем и похороненном.

Побрел вдоль берега, испуганный однообразным плеском волн.

Шел долго, и меня все больше наполняло одиночество. Где я? Куда исчезло спокойное ощущение общности, откуда меня недавно выбросило? Я задыхался, как рыба на песке, из-за отсутствия человеческого.

Шел уже третий день. Ночью, озябнув от дыхания моря, спал на сухом валежнике, наброшенном волнами на берег, а днем шел.

Первые дни надеялся кого-то увидеть, пока окончательно не обессилел, потерянный в пространстве и времени. Сосал настоящий голод. Рот сухой, язык склеился от жажды. Икры ног болели, тяжесть в ногах замедляла шаги.

Казалось, останусь здесь навсегда, и буду глядеть в безнадежный горизонт, пока не покинут силы.

Удовлетворение понижает энергию, неудовлетворение – повышает (кажется, Фрейд). Одиночество – взрывает душу отчаянием. Пронзило такое одиночество, словно я единственный, кто остался на земле. Один! Живому существу невозможно остаться совсем одному, когда некого любить, некого терять, не с кем ссориться, обманывать, изменять, быть недовольным.

Потом потерял надежду. Ночью, лежа на валежнике и глядя в звездное небо, стал грезить. Вообразил себя далекой звездой на краю всего – самой одинокой. После Большого

взрыва материя стремится к самосохранению и развитию, и эта ее сторона подхвачена живыми существами в таком эмоциональном порыве, что любое удаление равносильно смерти. Чтобы добраться до собратьев на ближайших звездах, потребуется преодолеть миллионы световых лет. И живая душа панически вырывается оттуда – в общую игру энергий, близость и любовь, чтобы выполнить свое предназначение и умереть. Может быть, Большой взрыв, если таковой был, произошел от дикого одиночества – великого Вакуума. Дуализм образовавшейся материи (инь и ян) породил жажду близости и продления.

Каким-то углом зрения видел себя со стороны: надо же, схожу с ума, как оставленный на скале отец Федор из романа «Двенадцать стульев». Может быть, я – звезда, уже умер много веков назад, и только отраженный свет меня светит кому-то?

Что такое одиночество? За этим кроется нечто необъяснимое. После четырех фундаментальных свойств взаимодействия материи пятое – отсутствие взаимодействия. Самое страшное во вселенной.

Разве не ужас одиночества толкает нас к другим живым существам? Можно жить только в удивительном устройстве человеческой теплой среды, где ее поддерживают естественно и просто, создают живое тепло в жилищах с помощью водопроводов и газовых горелок, дают зарплату, борются с эпидемиями, спасают от пожаров, наводнений, от педофи-

лов... В тепле нравственного закона внутри нас.

Только там, где соединяешься с общим, открывается безграничное поле для игры самой жизни. Можно быть индивидуалистом, карабкаться по лестнице карьеры, гордясь или завидуя, любить и изменять, увлекаться предметами роскоши, и в драйве молодости, накаченной адреналином и травкой, кружиться в пляске кажущегося бессмертия в дискотеках, расцвеченных фальшивыми зайчиками разных цветов на потолке, – бездумно совершать ритуал привычного существования, не ищущего ничего вне его. Как же это оказывается хорошо!

Внезапно я что-то вспомнил – пронзила сильная боль! Какую-то потерю в прежнем мире, которая стала причиной моей амнезии. Боль одиночества рождает поэзию, чтобы спастись. Из меня стали выходить строчки, горчайшие и счастливые: «Я умираю – это не смерть, это лишь силы гаснут на солнце...»

Что это за потеря?

Вдруг за бугром, у впадины залива открылся город, уходящий вверх по склону. Трудно описать, что со мной произошло! Люди! Носители сознания! От сердца сразу отлегло, появились свежие силы, снова вернулся покой общности с миром. Даль, где светила покинутая мной родина, затопила животная бодрость спасения.

То было странное поселение, не похожее на исторически

вырастающую архитектуру, – беспорядочно расположенные коробки зданий, знающие только примитивную символическую матрицу квадрата – земли и круга – неба. Нагромождение однообразных домов, переплетение кривых улочек, переулков и тупиков, продуваемые площади. Как будто здесь не знали, что такое удобства, чувство красоты и гармонии, не считали это важным, адекватным их бытию.

Увидел купающихся девчонок. Те с визгом бросились наутек, забыв свою одежду. Что они во мне увидели?

На окраине – нелепые монстры дачных домов, выглядывающие над толстыми кирпичными кладками заборов, как грибы с высокими ножками и огромными шляпками крыш, с башенками и круглыми окошками. Видения фантастического мира – некоего фарса, выросшего из древних органических построек.

Я брел по аллее, мимо толстой стены из красного кирпича, окружавшей большой темный замок с множеством грозных башен. У железных ворот стоял охранник в черной форме с погонами, обвешанный побрякушками медалей, с хлыстом в руке. Что-то сдержало меня – туда заходить не стоило.

С другой стороны аллеи мне приглянулось сооружение, похожее на древний монастырь, окруженное толстыми стенами из теплого розового кирпича. Вошел в открытую калитку, и оказался в анфиладе с колоннами, сквозь них открылся ухоженный тенистый сад. Увидел испуганную девчатку, ко-

торая купалась в море, она спряталась за спиной человека в халате с цветными геометрическими узорами. Тот изумленно посмотрел на меня.

– Можно увидеть хозяина?

Я упал окончательно обессиленный.

Открыв глаза, увидел себя лежащим на тахте, комнату, похожую на келью с покатыми белеными стенами, несколько человек в расшитых узорами халатах. Они, смиренные, как индуистские монахи, с любопытством разглядывали меня, и мой серебристый комбинезон, прилипший к телу.

Старец с седой бородой, похожий на библейского пророка, смотрел на меня мудрыми впадинами глаз.

– Кто вые?

– Не знаю, – просто ответил я, удивленный его «вые». – Тот мир, откуда я, как будто исчез.

Но одиночества уже не было. Мне было достаточно увидеть людей, речь которых понимал.

На белых покатых стенах – что-то вроде парсун или икон: старинное аскетическое божество в музыке сфер... скрестивший ноги Будда с округлыми формами и улыбкой бесконечного добра... вычерченный тонкими линиями китайский мудрец с редкой бородкой, похоже, Конфуций... суровый бородач с прекрасным лицом – Мухаммед, в чалме и халате с узорами райских цветов. Знакомые сакральные светочи мирового мистического устремления к свету.

С самого зарождения люди, – нехстати подумал я, – не

только шарахались от враждебных демонов, но претворяли желание выжить и выразить себя – в одухотворенных образах своей невысказанной мечты о себе.

– Амнезия? – участливо спросил один из смиренных, поднося чашку с горячим мясным бульоном. Никогда не было так вкусно.

– Так и мы не помним, – неожиданно сказал старец. – Расскажи о твоём исчезнувшем свете.

В его голосе медлительная старославянская интонация. Что за язык?

Я слабым голосом сказал, пытаюсь что-то вспомнить:

– Моя земля такая большая, что на её просторах чувствуешь себя свободным, не ограниченным ничем. Только просторы и небо. Помню только ослепительную бесконечность.

– У нас все живут так, без памяти прошлого и без будущего, в состоянии бессмертия.

Мое отчаяние от потери родины сменилось любопытством – я оказался в неведомом мире!

Старец погладил белоснежную бороду.

– Страна наша – остров, в безкрайнем океане около. Не имеем представления о времени и пространстве, малая наша земля или большая. Мы привыкли, что нищета на свете, кроме неба, нет, и небо – океан, даже там, за горизонтом горизонтов, одиночество ожидания. Неужели что-то случится. Всегда знали, что другой мир погиб. И тогда – увидели тебя! То означает, мы сами не одни? Есть другая история! Ты для нас

– сензация.

Какая-то смесь слов русского и довольно понятного славянского языка.

– Какой сегодня год?

– Лето-то? Лето 13019 от Великого Похолодания.

Я вздрогнул. Попал на 10 тысяч лет в будущее! Нет, это же допетровский календарь (почему-то в мозгу оставались такие нелепые детали). И если христианский календарь введен в 1700 году, то сейчас... примерно одно и то же время.

Со слабой надеждой я попросил:

– Помогите вернуться на родину!

Все в комнате смотрели на меня с любопытством.

– Ако ми скажешь, где она.

– Я думал, вы что-то знаете.

Старец задумался.

– Кабы мы знали... Что же с тобой справить?

Я понял, что эти смиренные помочь не могут.

– Мне надо где-то устроиться.

Старец кряхтя привстал, монах помог ему.

– Можешь жить у нас, сколько хочешь. Оправишься, покажу твою килию. Може, получится найти твой дом.

За дверью послышалась возня, и ввалился толстяк в черной форме с погонами и медальками на груди, с мощным затылком и плотными цепкими руками, за ним еще двое черных. Видно, из того большого дома, где я увидел охранника с хлыстом.

– Така че вы перехватили шпионина?

Кто этот диковинный толстяк? Мне он показался смешным, прячущим добродушие.

Монахи воззрились на него отчужденно. Тот грубым голосом предположил:

– Может, это пилот из шпионского самолета, сваленного в наших территориальных водах? Трябва предать его властям. Там из него вытрясут всякое тое.

Монахи стали в ряд, закрыв меня.

– Оставь нито, атаман. Он не может встать. Потом, потом...

Атаман недобро-оценивающе глянул на меня.

– Мы еште зайдем. Таков общественный договор!

Они вышли. Видно, у соседей давнее недоброжелательство.

– Новые гунны, – коротко ответил старец на мой вопрос в глазах. – Так они себя называют.

Я был благодарен, что меня оставили в обители доброго старика. И знал, что уже никогда не буду в абсолютном одиночестве.

Вокруг стен монастыря толпились зеваки, стараясь увидеть невиданного пришельца. Весть о нем уже успела развестись.

Старик сразу принял во мне участие.

Я продолжал расспрашивать о его необыкновенной стра-

не. Он улыбался.

– Ее ты узнаешь борзо. Мы приходим, как и вы, из звездных отпадцев, из которых получилась земля, удобная для происхождения жизни. Только само зарождение нашего живота пошло неправильно – обрекло на поедание одних колоний другими. В чем-то Господь ошибся. И, как говорится в древней книге, изгнал нас из Эдема. Теперь мы живем в дурном круговороте пространства, позабыли, что есть время. Может быть, ты из другой ветви жизни

– Но как же вы не исчезли?

– Так ядущие поумнели во время дурного цикла. Започали оставлять рабочие колонии на будущее. Они не могут не кормить их, или сами будут уничтожены.

* * *

Меня кормили местной диетой: рыбными блюдами с зеленью, медом и квасом, видимо, привычной здесь пищей. Переодели в одежду, в которую окончательно превратилась история их моды – свободно ниспадающий цветной халат, из-под него выглядывали коротковатые штаны. Но без нижнего белья, здесь еще до него не додумались. Стало легче, перестал отличаться от местного населения. Правда, не мог не бриться. Просьба о бритве почему-то озадачила монахов.

Когда мне стало лучше, я в сопровождении «монаха», приставленного стариком, вышел в город. Он сразу пора-

зил мельканием странных цветных «колесниц», как называли здесь машины-самоходы, темными улицами, крытыми потрескавшимся асфальтом, однообразными коробками домов, словно кто-то давил архитекторам на мозжечок, заставляя кроить здания по одному лекалу. Правда, изредка горделиво возвышались круглые ребристые высотки, презирающие мелочевку внизу.

Лохматые люди с заросшими волосом скуластыми лицами и вздернутой верхней губой, – все в одежде одинаково темного цвета и бесформенных уборах на голове, погружены в себя, нелюдимые в толпе. Женщины в темных балахонах, закрытые до шеи. Им не давали растекаться бесчисленные ограды и заборы, огораживающие офисы, доходные дома и частные владения, – тупо обрезаящие взор толстые, как стены средневековых замков, и тонкие ажурные с пиками наверху, притворяющиеся искусством.

Редко по заборам пестрели цветные рекламные плакаты призывами – выкриками из самих недр бессмертия: «Вижь, сколь е вкусно! Сколь красиво!», «Купи терем с эдемским садом, где, наконец, нарадуешься концом истории», «Забудь всичко в небесной бане!», с изображением сказочных товаров и услуг, голубых бассейнов с кукольными дамами в застегнутых по горло купальниках, – безмятежной страной, способной ввести в столбняк провинциала, только что вылезшего из своей берлоги.

Не начало ли эпохи рекламы? В крытых лавках местные

торговцы соблазняли разнообразием вещей, где преобладали хомуты и мыло.

На вечевой площади стояла геометрически выверенными рядами конница *тумена*, самой большой военной единицы, на низеньких лохматых лошадках, одетая в стилизованные под древность шкуры. И – рядами – истуканы солдат с перьями на касках и самострелами за спиной, похожими на скорострельные автоматы, только стреляющие дюжинами маленьких стрел вместо пуль, смазанными ядом. Во главе *тонокук* – генерал с хвостом яка на каске, машущий жезлом, увенчанным золоченой головой волка.

Вверху, на зиккурате стоял одутловатый узкоглазый вождь – шаньюй с серьгой в ухе. Его окружал отряд «новых гуннов», их щиты с зубцами сверху похожи на заборы. Их называли «заборonosцы».

Был праздник – «День рождения Шаньюя». Толпы заполнили площадь, везде бело-черные флаги открыто и вызывающе трепетали на постоянном островном ветру. Это было красиво и волнующе – несомненное единение народа.

Справа от зиккурата, показывали из зудящего проектора на огромном белом полотне «зрелище»: меняющиеся картины идущих в атаку стройными рядами войск со знаменами, под музыку, напоминающую безоблачно радостный ритм «Легкой кавалерии» Штрауса, и падающий со знаменем сраженный герой. Зрелище называлось «Нация и судьба». Это был единый порыв народа, объединенного в одно действие,

где все сомнения тонули в чувстве мистической непобедимости страны среди враждебного океана.

Я погрузился в бездумный уют празднично марширующей колонны солдат, покорной командам старшины. Надо же, вспомнил, что был в армии!

В обитель ворвались несколько человек в черной форме, и, несмотря на протесты монахов, меня скрутили и повезли куда-то на дребезжащей служебной «колеснице».

Дом допросов не отличался от общего серого фона зданий, серое длинное здание с угрюмыми башенками по углам.

Меня подхватили под руки и привели в кабинет с вывеской «Разследовательный орган». Это было голое помещение с большим прямоугольным столом и крашеными деревянными скамейками по бокам, как будто сделанными одними и теми же равнодушными руками. За столом сидели люди в черных мантиях с погонями, с рядами медалей на груди. Такую одежду могло создать только суровое воображение, странно соединенное с ребячливостью.

Знакомый толстяк-атаман, неуклюжий и короткошей, смотрел настороженно.

– Так откуда ты?

– Моя страна исчезла.

– Никак, Атлантида? – усмехнулся толстяк.

– Ты пришел с севера?

– Не знаю.

– А-а, там, где имам пустыню, – удивился атаман. – От таме вылезти трудно.

Вихрастый бойкий следователь весело сказал:

– Новый начин шифрования себя. Таковой в картотеке еще не встречался.

Меня подвергли перекрестному допросу.

– Национальность?

– Человек мира, – улыбнулся я.

– Профессия?

– Исследователь.

– Позиция в обществе?

– Иерархия? У нас нет иерархий.

– Случалось ли быть на чужбине?

– В вашей стране.

– Каковы верования?

– Верю во вселенную.

– Вот видишь, никакой амнезии у тебя нет. Всичко видишь.

Вихрастый махнул волосатой рукой.

– Мы его не разкроем. Нужно его на детектор.

В комнате с обставленными приборами меня проверили на «детекторе лжи», недавно изобретенном самоучкой и распространенном, видимо, из-за насущной необходимости – постоянного вранья здешнего населения. Налепив на тело и голову наклейки с проводами, задавали те же вопросы, проверяя показатели по приборам. Я был холоден, как лед, и удовлетворенно ощущал пустоту в голове. Детектор лжи оказался примитивным прибором. Так и не смогли определить, к какому племени на острове я принадлежу, или – из какого

конца света прибыл. Почему-то в их глазах было удовлетворение, что из меня нечего было выбить. Может быть, думают, что я могу быть держателем каких-то секретов неведомого мира, опасных для них?

Я ждал нелепых действий, вплоть до избиения. Что может быть томительнее ожидания?

В их комнате слышал бурные споры. Наконец, меня отпустили «под гарантию о невыезде». В постановлении было предписание: немедленно известить, если амнезия будет проходить. Что бы это значило?

В обители старец хмурился.

– То е счастливо, что имеешь амнезию. Но странно, что освобожден. Ти чужденец, може да принесешь какие-нибудь неведомые представления, чего они боятся. Ведь, никто у нас не ведает, что имеется другая земля. Те не оставят тебя так.

* * *

К тому времени молва о пришельце с моря распространилась.

Меня решил показать Орган «зрелищ и позоров», который использовал неслыханное в их мире техническое изобретение для зомбирования мозгов аборигенов – проектор с живыми тенями и звуком, передающимися на расстоянии. Тени казались настоящими, хотя и не были цветными, и на-

водили ужас и благоговение.

В «зрелищах» обычно смотрят развлекательные действия, эксплуатирующие обезьянье свойство личности вовлекаться в загадку, кто затеял преступление и чем кончилось, или поражающие в самое сердце патриота события: «героические картины» походов крутых «новых гуннов» против злых соседних племен, которых механически режут и закалывают – карточных персонажей, не достойных жить; мистические фильмы о победах над монстрами по ту сторону океана. Зрители свято верили в реальность героев, насаждающих добро, и даже засыпали Орган зрелищ и позоров письмами к героям с просьбами о защите и материальной помощи.

Меня привели на «позор» – так называют дискуссии на людях, в отличие от «зрелищ», где кучкуются по интересам. У каждого «позора» есть его «лицо» – энергичные ведущие, умеющие закрутить спор на ровном месте, известные куртуазные дамы с застывшими лицами от наложенной на них молодящей мази «Клеопатра», оживающими в темах любовных интриг.

Передача должна быть в блоке, называемом «Жареные новости» – особой форме снимания актуальных мутных пенок: о грабежах и разбоях, посадках бунтующих оппозиционеров, эпизодах психологической войны с гиксосами, народом на противоположном конце острова. Здесь политики выходили, как на арену, на поединки с противниками, чтобы не слыша один другого криками оттачивать свои эфемерные

идеи.

Меня ввели в высокий коридор, откуда был слышен этот галдеж. Я волновался, о чем говорить с неизвестными мне аборигенами. Их представления, наверно, недалеко от древних греков, хотя считают себя современниками, видя прошлое далеким, как Платон видел Атлантиду.

Наконец, подошла моя тема, вытолкнули в яркий зал с ослепившими передвигающимися голыми лампами. Я думал, что расскажу о том, как прекрасна моя родина, и если не помогут найти ее, то постараюсь обрести здесь то, что потерял. Но открытость арены, может быть, всей стране испугала.

На меня бритого, с голым лицом, воззрились скуластые волосатые люди с зачесанными сзади в хвосты волосами, как показалось, с изумлением, что есть еще земля, кроме их Острова, и с добродушным приятием очередного чуда. Правда, на многих лицах было видно скрытое подозрение и усмешки превосходства над гастарбайтером. За кого они меня принимают?

Лицо программы – ведущий, коренастый и коротконогий, со зверской от решительности кривой улыбкой произнес ударную фразу по-русски (признак образованности, на нем говорила их «элита»), довольно потирая руки от предстоящего обострения спора:

– Так вот он, пришедший в нашу вечность гость! Какая враждебная нам сила подслала со шпионскими целями?

Выкладывай.

Он неожиданно загоготал.

Я был ошарашен нападением.

– О чем вы?

– Все хотят узнать, как ты здесь появился.

Я пересказал то общее впечатление о родине, что помнил:

– Моя страна похожа на безграничное пространство мегаполисов – огней цивилизации под открытым небом. Там есть все – и множество племен, достигших мира, плюрализма и мультикультурности, и великое искусство, и господство права, где нет нужды терпеть жестокие необходимости. Но про свою жизнь не помню.

– Что так?

Я попытался быть искренним.

– Со мной что-то случилось. Как с пациентом у глазника, который показывает буквы, а тот молчит. Что такое? «Буквы вижу, но забыл, как они называются».

– Свой человек! – вскричал ведущий. – Мы тоже пялим глаза, ничего не понимая. А зачем понимать, разве что изменится?

В зале хохотнули от наивной бесхитростности гостя.

– Ну, хоть что-нибудь. Какие инструкции давала разведка?

Я обозлился.

– Инструкции были такие: не поддаваться провокации.

Зал одобритительно зашевелился. Ведущий ощутил, что из

такого поворота ничего острого больше не выдавит.

– Ну, тогда что скажешь о нашем мире? Первые впечатления. Смелее, все как на духу!

Наверно, он привык находиться в агрессивной стойке, готовый к отпору в мгновенно вспыхивающей убежденности, – или от безнаказанности, или от презирающего взгляда сверху.

Я попытался собрать разрозненные мысли.

– Вы меня приняли, спасибо. Но здесь что-то застилает глаза. Горизонт того, что есть, понижен, как будто намеренно

– Ну, ну, – поощрял ведущий. – Вжарь, чтобы нас расшевелить.

Я не понимал странного оживления в студии. Как будто я сказал что-то, о чем они не знали.

– Что ты имеешь в виду? – радостно искривился ведущий, предчувствуя оглушительный катарсис.

– Ваш мир мне показался стоячим, как болото, – лез я в петлю.

Молодые интеллектуалы в заднем ряду, в коротких модных фужайках и мятых штанах, стали аплодировать.

– Вы сталкиваетесь друг с другом, как слепые. Как будто сидите в пещере, не догадываясь, что можно выйти на волю.

– Как пауки в бане! – торжественно провозгласил ведущий.

– Это мысль Платона, а не Достоевского.

Мое предложение вслушаться в гул земного шара и шорох

космоса вызвало у них непонятный шум.

Искомый катарсис наступил. В рядах было радостное веселье.

– Так мы только это и делаем! – от смеха выдавил ведущий. – Слушаем гул океана.

Присутствующие облегченно отвалились от меня, не увидев во мне ничего нового и опасного.

Из студии я вышел в недоумении – что это было? Что за насмешки?

Ко мне подошла группа молодых интеллектуалов.

– Мы неоградные (по-нашему «Не ограда»), – решительно представился один, остроносый, от этого как бы устремленный вперед. – Меня зовут Тео. Охранители устоев называют нас подзаборными. Не обращай на них внимания. Ты нам понравился – повеяло чем-то совершенно другим.

Наверно, они увидели во мне иной чудесный мир, который, оказывается, реален.

– И я здесь увидел другое, – растерянно сказал я.

– Смотри, как бы оно не засосало, – засмеялся парень в очках, с длинными шелковистыми волосами до плеч, в обернутом через шею белом шарфе. Его называли Эдеконом.

Они повели меня на тусовку, как они выразились, «Общества не оград».

Я все время ощущал затылком, что кто-то следит сзади, упорно идет за нами.

Мы внезапно свернули в калитку за высокий зеленый забор, внутри было неприметное здание. Там, в большой комнате со старыми стульями у сдвоенных столов собрались разные люди, в основном молодые.

Меня встретили аплодисментами.

Наверно, я возбудил ненужные мечтания, они считали, что я – из неоткрытой, более высокой цивилизации. Их великий мореплаватель проплыл дальше всех, но ничего, кроме воды, не нашел. Их само-летающие машины покрывали несколько тысяч верст, но возвращались обратно, потеряв время.

Обсуждали, что делать, чтобы исчезла однообразная тягота существования. Как мне показалось, вечный неразрешимый вопрос для тех, кто не догадывается сначала ответить на вопросы: кто мы? кто – здесь? Хотя и эти вопросы неразрешимы. Но здесь я чувствовал себя в безопасности.

Большинство было за то, чтобы завертеть какую-нибудь бучу, может быть, захватить власть, через внедрение в структуры власти «вои» из своих сторонников в регионах.

Судя по всему, они не были связаны узкими партийными обязательствами, у них не было одной идеологии. Но было одно желание – освободиться от тяготящего нищего однообразия, как им казалось, сдерживающего энергию жизни. Так бывает, когда засиживаешься на одном месте, пока вдруг, в путешествии, не откроется мир.

Я не мог понять их настроение, ведь, есть пространство

океана и неба, и за окном зеленая дымка леса вдали, и пути в небывалые страны по океану, о которых они догадываются, а я не могу вспомнить.

– Здесь есть то, что вы ищете. Первобытный райский уголок, правда, подпорченный присутствием человека. Зеленые сады, океан. Что мешает счастью?

Представитель революционных смыслов по имени Тео, тот самый с острым носом, как бы устремленным вперед, удивился.

– Ты разве не знаешь о системах подавления человеческой личности?

– Да, не знаю. У нас об этом не думают, на свете так много удивительного, стоит только подняться над планетой и открыть бесконечность мира.

Длинноволосый Эдекон, или Эдик, в обернутом через шею белом шарфе, кося глазами и стесняясь, сказал:

– Мы тоже этого хотим. Но так устроен мир, что у нас это невозможно. Кругом вода, а в середине беда.

Это загадка. Зачем человеку видеть только беду, вовлекаться в общественную тусовку вечного дележа благ и полномочий, кучковаться в бессмысленной борьбе за власть, которая и при победе одних над другими ничего не изменит?

– Разве вы не можете жить в стороне от «заборonosцев», как вы говорите, свободной жизнью?

Тео нетерпеливо прервал:

– А кто ж нам даст жить в стороне? Ты что?

– Дышать ворованным воздухом? А как же нищий народ?

Сказавшая это девушка с тонким золотым обручем на волосах выше лба, в длинном балахоне-платье, перевязанном пояском на тонкой талии, как бы отстранилась в независимой позе.

Она была совершенной красавицей, с необыкновенно изящной фигурой и чистым лицом, как из куртуазной картинки. Но смешные конопушки на носу делали ее домашней.

Ее звали Ильдика.

От «неоградных» пахло чем-то знакомым, естественной средой, как в саду, где не надо напрягаться и мысли текут свободно, не ограничиваемые заботами о выживании.

Когда я пришел в мое убежище, старик посмеивался.

– Е, как? Интересно, как встретили девственный ум?

– Я говорил то, что думал. Но почему-то все ржали, как лошади. Только Общество не оград, кажется, понимает меня.

Старец засмеялся.

– Ильдика? Будь внимательным, к ней чувствует симпатию сам шаньюй.

Я покраснел.

– Ну, и что?

– С виду ты, момче, наивный. Но нешто в тебе есть.

– Что?

Если бы я мог вспомнить, что. Но чувствовал расположе-

ние снисходительного старца.

* * *

Особенно интересовался мной коротконогий «свободный художник», делающий «жареные» видеопередачи, со зверской решительностью на лице, которого называли Савел (кратко от «Савелий»). Он умел мгновенно превратиться во внимательного собеседника, и тогда исчезала его показная наглость, хотя его неискреннее лицо настораживало. Чем я его привлек, не знаю.

– Ты у кого остановился? – спросил он, как будто собирался помочь.

– У старого Прокла.

– А... У нашего святого. Пророка и совести нации.

– Разве? – удивился я. – Не знал.

Я хотел понять, что это за страна, и расспрашивал Савела.

Как он успел рассказать, эта страна происходила из древних народов исчезнувшего государства, которых объединяли гунны. В их состав входили многие восточно-сибирские, тюркоязычные и монголоидные племена, угры, сарматы, и народы Ближней Европы: болгары, остготы и даже славяне анчийцы (нынешние украинцы). Гунны кочевали по землям и не имели своего места. Работать на земле они исторически еще не умели (или не желали) и, чтобы выжить – что делали? угадал! – видели своей благородной задачей освободитель-

ную борьбу от пищи и одежды встреченных на пути племен. Отчего государство развалилось, и наиболее непримиримые вынырнули на этой земле и возродили государство гуннов. Это была славянская ветвь.

Сейчас система дошла до понимания, что можно обуздать натуру гуннов только Общим договором, то есть помещением в прокрустово ложе закона, с умерщвлением противников по принятым правилам (не начало ли демократии?). У нас неплохие центры науки, где изучают хрематистику, то есть, как устроена экономика, чтобы заработать. Есть книгопечатание, центр языков, где изучают «законы буквенности» и странность второстепенного значения гласных, и особенно бранную речь – окно в иной мир, грубый и предельно искренний, выражающий подлинные истины жизни.

Правда, на другой стороне Острова живут чужие племена – южные варвары гиксосы, которых называют «черноголовыми», хотя мы сами весьма смуглые. Они не знают связи причин и последствий, относятся к гуннам с превосходством, хотят поколебать устои нашей «нутряной демократии».

Он сказал, что меня хочет видеть местная элита – публичные лица, политики, а также деловые люди. И взялся опекать меня.

Образованная элита, то есть нахватавшаяся всякого рода информации, зарабатывает суждениями в книгах, на «позорах», и другими способами прочистки мозгов, что здесь на-

зывается воспитанием патриотизма. Хорошим стилем считается коллективизм, индивиды должны тщательно скрывать подлинные мысли, тем более свои чувства одиночек.

Здесь на полках книжных лавок лезут прямо в глаза произведения представителей элиты – «нобилей»: политиков, куртуазных дам, создателей мод, рестораторов. Непонятные произведения ученых-книжников, которые пытаются отвечать на глубинные вопросы бытия, не имеют спроса, их кратко пересказывают в зрелищах для кучки интересующихся. Таких авторов отсылают в глухие места провинции ловить рыбу, или в котельные, где они в промежутках между забрасыванием в печь местного серого уголька могут думать о «духовной доблести».

Обычно знания здесь черпают из «живых картинок» – зрелищ и «позоров», из огромного рынка слухов, откуда берут то, что нравится.

Оказывается, и здесь ускоряется время, и уже не хватает его ни на что. Поэтому продвинутая интеллектуальная элита задумывается, не исчезнет ли у населения глубина постижения мира, и что тогда будет.

Савел привел меня к терему с уходящими ввысь готическими стенами к сияющему светом куполу.

Внутри помещения, озаряемого таинственным светом цветных окон-«роз», за большим пиршественным столом сидели «нобилы» в черных бархатных шапочках на головах, расшитых золотом одеяниях с орнаментом кусающих и по-

жирающих один другого фантастических зверей, и куртуазные дамы со сложным сооружением волос на голове, в пышных платьях с фижмами. Сбоку, на галерке, тоже сидела куча народу за длинным столом. Видимо, средний класс.

Стол был заставлен громоздкой посудой из золота, серебра и белого нефрита – скифскими и римскими изделиями, какие я видел в музее, найденными в раскопках.

– Вот, – представил меня Савел. – Пришелец из неведомой земли. Имеет оригинальный взгляд на все.

Представители элиты с удивлением уставились на «пришельца». Я, в неловкости из-за простого халата и коротких штанов, подаренных монахами, разглядывал диковинную креативную часть населения с опасением Марко Поло, заброшенного в монгольско-китайское ханство Хубилая.

С балконов грянули, свешиваясь вниз, длинные трубы музыкантов. Прислуга, выстраиваясь в очередь с чашами над головами, юрко разносила еду на стол.

подавали оковалки мяса и рыбу, зажаренную в горячем песке, вино (его пьют богатые), мед, а также специи – символ статуса заведения. Я попробовал рыбу – свежайшую, какую, вспомнил, ел на сейнере, только что выловленную и пожаренную на жаровне.

Чисто выбритый красавец в модном халате с декоративным «звериным» орнаментом – когтистыми лапами, клювами и зловещими осками, с золотой шейной гривной и браслетом на руке, вкусил вина в бокале чувственно ше-

лящимися губами, и спросил меня:

– Какое блюдо вам нравится?

Они разговаривают в основном по-русски, низшие слои пользуются русским и смесью языков, оставшихся от древних гуннов.

– Жареная картошка, – бухнул я. Тот воззрился в недоумении.

– Адский плод?

Сидящие за столом насторожились. Я ощутил какое-то отчуждение. Ах, да, они еще не знают картофеля, завезенного от гиксосов, посчитали его чем-то скверным, поев верхних шариков-плодов.

– Наша пища в основном такая же, – поспешно добавил я. – Только больше уклон на технологию сохранения скоропортящихся продуктов, в вакуумной упаковке.

Это их не особенно интересовало. Им было трудно вообразить что-либо иное, чем вековые обычаи соления, хранения в холодных подвалах и закупоренных глиняных кувшинах.

– Расскажешь о ваших рецептах?

– Если вспомню.

Красавец любил изобретать новые кулинарные рецепты, даже создал свою марку вина. У нас заподозрили бы в нем либерала, выглядящего бессмертно успешным, как будто в него внедрили чипы нанотехнологий.

Наконец, он нарушил нашу идиллию:

– Вот ты утверждаешь, что мы сидим в пещере, не догадываясь, что можно выйти на волю. Что это такое? Я доволен своим положением, и в тревоге, как бы нас не сожрали гиксосы, и я прав. Думать о том, что не нужно человеку? Мы никогда не вырвемся из пределов человеческого кругозора.

Я тоже был в тревоге за себя.

– Как раз кругозор вашего Острова меня удивляет.

– Да, наш кругозор уходит до представимого мира – горизонта бесконечного океана вокруг нас. Как у древних греков, которые жили на своих островах в круге бессмертия. Наверно, все относительно, есть другие представления. Может, поведаешь?

Оказывается, здесь не считают философию никчемной. Видимо в разных ответвлениях живого в космосе идут какие-то одинаковые, хотя и не равномерные, процессы.

– Постмодернистский релятивизм? – неожиданно вспомнил я термин (видимо, так же набит информацией, как он). – Как это он забрел к вам?

– Пост... что, что? – не понял красавец.

– Когда философы не знают, где истина, и это считается нормой.

Сидящий рядом с ним бизнесмен (здесь их называют «купец») – крепыш со щетиной на круглом лице и бегающими глазами, удивился.

– Е, че, имеееете норму – стоять раком?

Я напрягся.

– Имею в виду слепоту разума, не умеющего выскочить из предрассудков.

У меня странная память – вырывает из небытия куски общего смысла идей и событий, но не помнит подробностей моей жизни. Я забылся и стал рассказывать, что вспомнил, о разнообразии идей в моем мире, постмодернизме, допускающем бесконечное число истин, и о нанофилософии, объясняющей нанонауку – манипуляции материалами на атомном или молекулярном уровне и создание искусственной материи. Конструируется новый человек с помощью чипов и нейроудлинителей, встроенных в мозг и тело, он делается добрым, наделяется сверхвозможностями. Наши люди – из других уровней жизни, их души дружески светят из нездешних корней. Человечество достигает подлинного нано-Эдема.

– Что такое чипы? – удивился «либерал».

– Протезы в мозгу и теле, повышающие эффективность человека.

– Это как искусственная челюсть? – потрогал он свои гниловатые зубы. – Не противно постоянно ощущать в себе посторонние предметы?

Бизнесмен-купец перестал обсасывать рыбий хребет.

– И создаете оружие за убийство?

– Да, есть нано-оружие.

«Либерал» скептически улыбнулся.

– Так и вы недалеко от нас ушли!

– Еще придется защищаться.

Я сам сомневался, чем это может у нас кончиться. Облегчит ли конструирование человека его жизнь или убьет его личность?

Мои откровения были неслыханными. Не демон ли пришелец, обладающий сверхъестественной силой? Это был испуг глубоких провинциалов. Дамы отодвинулись, пряча за спиной свои расшитые жемчугом сумочки.

Я опомнился и замолчал, чтобы не завернуть им мозги в ненужную для меня сторону.

Купец, с бегающими глазами, юркий и нервный, с неуверенным убеждением возвысил голос:

– Няма друга альтернатива. Есть свобода, неравенство, господство сильных – и несвобода, равенство, выживание наислабых. Хрематология предпочитает сильных. Так нас научил великий философ Макавелей, поборник идеологии хуните.

Замшелые мысли выдавались как открытые впервые, но я уважал их относительную новизну. Он не знал, что опоздал на столетия. Когда-то у нас так рассуждала школа социал-дарвинизма, основанная на принципах естественного отбора и борьбы за существование.

– Правильно, – благодушно сказал «либерал», попивая вино. – Но хищная натура гунна должна быть ограничена общественным договором.

Безоблачное детство красавца и учеба в бурсе для избранных, удачливая карьера способствовали возникновению

вольных мыслей о демократии, которая только еще вызревала. Здесь еще не знали, что демократия лучшее из зол, но уже есть идеи получше.

Щетинистый купец неуклюже повернулся к нему.

– Знаем, ты пятая колонна, пособник хиксосов с их идеи за договор.

Савел, поедая мясо, оживился.

– Сейчас будет схватка скифских акынов! Ату его!

Разгоряченные «либерал» и купец едва взглянули на него.

– Может быть, я шпионин гиксосов, – скривил в усмешке влажные губы «либерал». – А ты не соблюдаешь общественные правила.

Савел рассказывал мне, что купец для строительства ребристой высотки – доходного дома собирал взносы дольщиков. Строительство почему-то затормозилось, и смутно вырисовывался риск потери вкладов. Было ли это аферой, или он действительно хотел добиться результата, в этом уже разбирались следствие.

Купец, жестикулируя перед самым лицом отодвигающегося «либерала» и задевая его руки и грудь, доказывал господствующую здесь теорию, напоминающую евразийскую: народы должны управляться могучей и всеобъемлющей идеей, а не анемичными учреждениями. С помощью идей, а не громоздких и неповоротливых бюрократических механизмов или трудно контролируемых массовых движений. Только радикальное обновление народной самобытной гуннской

души, под водительством вождя, шаньюя!

Я добро засмеялся.

– У нас, напротив, – главная ценность – человек, а не идеологии.

И обвел взглядом всех присутствующих.

– То есть, вы и есть вечно цветущее древо жизни, источник идей. Вам бы только пробежать несколько столетий за короткое время.

«Человекам» это понравилось.

Щетинистый купец почему-то обозлился, бросив на меня острый настороженный взгляд:

– В купечестве няма человеческой ценности. И приятельства дружбы няма. Боже опази! Тогда не може править дело. То е совсем различно.

Зря строил пирамиду аргументов, впав в обычную иллюзию доказывания своей истины другому, который не способен услышать.

– Близость между людьми заложена в их природе, – пытался я улыбаться дружески. – Как и любовь. Аттила убил брата. Жалел ли он его? Думаю, да. Была же между ними дружба. Только пересилила алчность и власть. Это и есть преграда между людьми.

Худенький ученый-книжник с венчиком волосков на лысине, «Летописец», как здесь его называют, беззащитно оглядываясь, поддержал меня.

– Хун – звучит гордо! Тое по природе добр. От древни

времена това е желание найти светлую землю Эдема. Сейчас родится новый дух просвещения и открытий.

Мне стало интересно. Присутствовал при рождении идеи гуманизма, чего-то вроде эпохи Ренессанса. Меня привлекали не упертые, застывшие внутри своих убеждений, а только те, кто не знает, где правда. Незнание правды понуждает к прорыву куда-то за пределы местечковой антропоцентричности, не могущей удовлетворить.

Щетинистый делец глянул на Летописца с насмешкой.

– Как бы отнова не тлеть в глухой дыре, профессор кислых щей. Там тебя разместят.

Летописец принял жертвенно-гордую позу выразителя народных чаяний. Ему действительно было разрешено вернуться из провинции за смирное поведение.

Мне хотелось заступиться за него.

– Некоторые тоже могут сесть.

У купца перестали бегать глаза.

– Всичко е относительно. И ты тоже. Был, и няма тебя.

– Как и тебя, – осмелел я. Не выношу, когда нехорошо дают. – Ты что, застрахован?

– А ты трюк! Я произвожу полезный продукт.

Лицо купца неприятно исказилось. Он не терпел урона самолюбия. Вдохновляясь своей нарочитой убежденностью, стал выкрикивать что-то, вставляя матерки (наверно, это для них естественный язык), о темных чужденцах, сующих нос в наши дела. Он не давал вставить слово. Станный метод

спора!

– Ты чего? – примирительно бросил «либерал». – В нашей эпохе терпимости!

Я успокоился. Неужели наблюдаю зачатки толерантности?

Он вальяжным жестом приветствовал новое роскошное блюдо – миндальное пирожное, которое древние римляне приносили в жертву своим богам. Миндаль и специи поставлялись из страны гиксосов, с которыми, несмотря на напряженность отношений, шла бойкая торговля.

Мой новый приятель Савел играл лицом, как зверь, приготовившийся к прыжку.

– Тихо! Может быть, он пришелец с неба. Имейте уважение.

Спорящие замолчали. Ведущего «позоров» побаивались.

Их недоумение и настороженность испугала. Впервые осознал, что меня могут принять за ведьмака и судить по их законам. Представил какое-то аутодафе, костер, невыносимые языки пламени по телу, и содрогнулся.

Понял, что, хотя сам был в начале самопознания, вокруг меня жестокие дети средневековья, – в сравнении с тем невообразимым великим и грозным, что произойдет в нашей цивилизации, чего не могу вспомнить. Услышал стук колес какого-то вагона-теплушки, холодное бездомное небо войны.

Я старше их на столетия. Они даже не носят нижнего белья! Какая глубокая провинция! Ее ясные идеи угнетали меня, не помню, когда. Они представляют будущее в виде глад-

кого прогресса, где будет все лучше и лучше. Во всяком случае, мир никогда не оборвется, как в мышлении древних греков. Даже в ожидаемом ими апокалипсисе их жестокое божество поставит ошую – грешников, а одесную – праведников, и праведники будут ходить в цветущих садах. Они еще не знают грядущих разрушений, куда приведет хищное нутро идеи хрематологии (неведомо как попавший сюда термин Аристотеля об экономике наживы).

Я рассказал о стычке старцу Проклу. Он встревоженно помолчал, поглаживая седую бороду.

– У нас верят и пню, даже нобили. Смотри, как бы не взяли в оковы. Меня тоже подозревали в сношениях с демонами.

Во мне мелькнуло нехорошее предчувствие.

– И что, истина не интересует?

– Действительно только то, что творится на самом деле.

Старик вздохнул.

– Сейчас меньше суеверий. Стала преобладать хрематистика, то есть культ денег. В свете е безмилостная конкуренция. Ее камени-жернова смальвают всех. Свет много сложнее, его трудные шаги отвергают нравственные хвильяния. Возможны ли моральные подходы? Аз не знам, аз не знам.

Чтобы впредь не попадать впросак, я перерыл всю библиотеку открытий и догадок, собранных в обители старца, открыл в ущелье хранилища-подвала залежи заплесневелых книг по истории, экономике, в том числе этой земли. Здесь были даже глиняные таблички, кто знает, может быть, из самой Александрийской библиотеки. Нашел много философов и экономистов, от Аристотеля до Канта, но, наверно, не позже. Они знают нашу историю! Оказалось, многое из истории моей страны – общее. Откуда? Неужели существовал какой-то тоннель, через который мы были некогда связаны?

Мой взгляд аутиста открыл в залежах книг и летописей калейдоскоп странного постоянства кровавых событий.

История новых гуннов развивалась ровно, в отрыве от остальной дерущейся цивилизации, но общие с ней тенденции прослеживались.

Она остановилась на каком-то этапе. Еще не закончился «железный век». Промышленность – на уровне средних веков: преобладают фабрики типа «свечных заводиков», паровые машины, солеварки и ветряные мельницы. На причалах самого большого порта, куда я ходил в надежде выбраться из Острова на родину, вечно громяхают примитивные краны, описывая своими руками круги с грузом, чтобы попасть ими в трюмы пароходиков, перевозящих рыбу, пеньку и спе-

ции. Странен вид движенья железного, заслонившего веру Творца, так остывшего, отяжелевшего у грустящего скучно лица....

Для археологов и историков Остров был бы чудом, сохранившим многие древние обычаи почти в неприкосновенности.

До сих пор бытуют языческие верования, древний обычай сжигать своих умерших. Правда, за деньги – и сюда проникло общество потребления. След анимистического взгляда на природу – тотем волка остался на знаменах государства.

Когда-то поклонялись идолу вроде Священного Пня, мученика, чье туловище было жестоко отрезано, он страдал и завещал терпение. В него еще верят старые люди, но Пню стали поклоняться «новые гунны». В роскошных капищах молились на древние золоченые деревянные идолы, иногда необыкновенно изящные – божества вечности и бесконечной пустоты ожидания.

Здесь есть веротерпимость. В основном верят во всевидящего и жестокого Господа Мира, выбравшего гуннов в качестве избранного народа, отделив от нечестивых других. Я бы назвал его дохристианским, хотя видел у Прокла сонм разных богов на парсунах. Поклоняются Великой Лани. Продвинутые верят в Демиурга, устроившего гармоническую вселенную. Мир гуннов все еще целиком погружен в атмосферу страха наказания за грехи, заключен в оболочку времени, озаряемую чудом за бугром.

Но у всех глубоко внутри сидит языческий Священный Пень.

Здесь преобладает чувство национальной исключительности. Идентификация нации произошла из-за объединяющих походов за добычей, их косички на затылке появились, чтобы удобнее было резать врагов. А сейчас – отбирать на стороне не у кого, кругом *вар* – вода. Только у конкурентов-купцов и чужаков-гиксосов, живущих на южной стороне Острова, тоже потомков одного из воинственных племен исчезнувшего государства, не имевшего ничего на голых плато, где справедливым считалось тотальное истребление завоеванных племен. Поэтому продолжалась борьба за объединение в одно государство с гиксосами. Война была неизбежна, потому что те навязывали свою цивилизацию и культуру, якобы, превосходящие другие.

Выработалась психология смертников, не ставящих жизнь ни во что. Смертная казнь – любимое развлечение. Все убеждены: «Преступник должен лежать на плахе». Я вообразил топор, внезапно обрушенный на живой организм не только обозленный на мир, но и мечтавший о счастье, и почувствовал нехорошее бодрящее волнение.

Поражала почти механическая природная жестокость отношения гуннов к ближним. Могли запросто бросить на пик, посадить на кол, залить жидким оловом глотку, затравить псами бродягу или разбойника. Хотя, мне казалось, у них все-таки были задавленные угрызения совести. Против че-

ловеческой природы не попершь.

Суды неизменно составляли обвинительные приговоры, не было слышно ни об одном оправдательном. Здесь организована система лечения, но не предупредительного, а когда уже поздно лечить. Никто не хотел видеть страдающих, их отсылали за пределы города, или в далекую окраину. Туда бросали на произвол судьбы стариков. Голодных детей-сирот собирали за пределами города в нищих детских приютах, давно ограбленных прислужниками, где воспитывали в спартанском духе, то есть поркой. Усыновлению ставили такие бюрократические препоны, что отбили всякую охоту.

Мой старец Прокл рассказал, как в молодости к ним в бурсу привели старого седого героя с топорщащимися во все стороны усами и широкими красными лампасами – атамана гуннов. На вопросы бурсаков он молчал, и неожиданно поднял вверх кусты усов и отрывисто прохрипел:

– Меч выдернул – рраз! И напополам! Разпался в различные стороны.

Да, тот еще багаж привезли на Остров!

Странная вещь! Народ страстно хочет жить в благодатной земле, вся культура тоскует по иной жизни, где было бы всего «от пуза» и от этого всеобщая близость и доверие. Главной в его культуре была Священная степная книга, подобная Библии, с мифами об отпадении Адама и Евы от рая, и о Лани, показавшей гуннам брод через залив Меотиду в благодатную землю – Эдем, где можно было упокоиться навсегда.

Но, судя по всему, благодатной земли так и не достигли.

Но что же не дает жить?

Я вывел из книг библиотеки старца Прокла некий закон систематического торможения их истории.

Свойство вселенной быть живой, в горячем возбуждении приносящей радость обновления, существует наряду со свойством быть разрушительной и застывшей. История перемежается этими течениями.

Философы гуннов привезли на Остров или открыли объективированный взгляд на мир. Прорывалась вера в разум, трезвый взгляд об относительности познания. Своего рода начало местечкового антропоцентризма Возрождения, где человек становится центром вселенной, хозяином природы, обладателем ее несметных золотых россыпей. Мечта гуннов о захвате мировых богатств.

Реальность предметного мира существовала до человека. Человек творит, открывая и обозначая новый предметный мир: вещи, знаковые системы, обозначения, азбуку. Здесь, на Острове, обществом гуннов овладела идея рационализма, то есть холодного расчета. Материальный предметный мир превратил его в раба своей собственной сущности, впавшего в зависимость от вещей, перестал быть собой. И образование стало рациональным, средством для воспитания делового хитрована. Этот культ оказался выгоден существующему строю.

Настало время бездушного вещного мира, устраняющего

человека ржавыми технологиями, движущими прогресс.

Страх перед нищенством и жажда спасения путем обладания предметных благ, породили хрематистическую экономику, выраженную в культе денег, *тугриков*, ведущих начало от амулетов и золотых монет времен древних монголов. Цветные теплые фантики – виртуальное средство обмена, превратились в метафору благополучия, вздымая в груди волнение, не делимое на составные части предметного мира и духа.

Я оценил слова старца о том, что их ветвь жизни пошла не туда, в чем-то Господь ошибся.

Одухотворенный воздух мифов, кораблик детства уплывал в блеск воды, и нет возврата.

Но незыблемо оставалась вера в существование Создателя миров – упорядоченной вселенной (сублимация сурового дохристианского Божества). Для простых гуннов это была одновременно вера в вождя.

Некоторые безумцы осмеливались покуситься на незыблемую истину Создателя и вождя, утверждая, что человек со всеми его потрохами – центр всего, и мы подрубаем вечно цветущее древо жизни, подавляя волю человека. Единство самобытностей в множественности миров! За эти идеи сингулярных особей сажали в камеры (вот откуда странный прием, устроенный мне элитой!).

В последний век стало видно, что борьба шла за естественное развитие племен и общин – путем самоуправления,

которого не хотела окутанная тайной загадочная властная элита. Она ненавидела анархию, спасением от которой было ужесточение системы ограничивающих форм и правил.

То, что мы называем демократией, здесь приобретает ценность. Ее благотворное влияние, распространившееся независимо, может быть, из зыбкого воздуха всех мыслящих сообществ иных ветвей цивилизации, раскрывало возможность терпимости, пока не начался экономический кризис. Что, конечно, вызвало ненависть к демократии у большинства – сообщества «новых гуннов».

Странная смесь средневековья и новых веяний. Возможно, человечество развивается по одной осевой линии, все конфликты одинаковы, исходят из природы человека, и способности сознания уравниваются. На других экзопланетах, наверно, живые мыслящие существа развиваются примерно так же, как мы, и никто во вселенной не может вырваться вперед, ибо разум не может перепрыгнуть ее общую историю, начавшуюся 14 миллиардов лет назад. Вряд ли ветви «хомо сапиенс» могут развиваться бесконечно, раздробляясь и расходясь в бесчисленные новообразования. Есть общая фрактальная конечность образований, результат приспособления к окружающей среде.

И все же что-то внутри не позволяло верить летописцам и книжникам. Может быть, они изображали гуннов свирепыми потому, что были интересны только походы и убийства, а не обычная повседневная жизнь рядовых гуннов, в которой

не было никакого интереса. События – это то, что поднесено к глазам зрителей и становится видным сознанию. Из таких симулякров состоит история.

Монахи возражали:

– Так сказано в древних летописях.

– А летописец – не человек? – горячился я. – Какой-то переписчик, товаровед в конторе истории нацарапал, и это закон?

Первое впечатление покоя и общности, которое я почувствовал, увидев нелепо застроенный город, сохранилось независимо от того, что прочитал. Почему я должен видеть только темное, что записывали летописцы, может быть, страдавшие от запора?

* * *

Встал вопрос: что делать? Я не мог долго пользоваться добротой обители и старца Прокла, хотя казалось бессмысленным что-то здесь делать, кроме смутного утопического желания помочь расширить горизонт умов насельников этого острова.

Меня не оставлял в покое Орган расследований. Тянулась занудная полоса регистрации и контроля за исполнением гражданских обязанностей подданного, которые обычно сопровождают всю жизнь гунна. Поскольку я мало что мог вспомнить о моей стране, мне предложили вести за-

писи о впечатлениях «путешественника-инородца», особенно о разговорах с инакомыслящими. Но я записывал только то, что накопал в источниках: об их ментальности, связанной с глубинным подсознанием древнего гуннского народа. Например, о ненасытном присвоении предметного мира, природного и технологического, сопровождаемом борьбой добра со злом, то есть расталкиванием локтями злых, чтобы получить их добро. Отсюда своеобразный тип мышления – не слышание другого.

Во мне видели человека из иной страны, возможно, более высокой цивилизации, и смотрели с изумлением, о чем бы я ни говорил. Было опасно принимать меня на работу, тем более в государственные органы (здесь все учреждения называют «органами», как определенные части человеческого тела).

Наконец, с помощью сочувствующей мне элиты, удалось внештатно устроиться в Орган пророчеств и предсказаний при Совете старейшин. Возможно, и с подачи власти, желающей оценить будущее страны свежим взглядом пришельца, а может быть, выудить из меня какие-то ноу-хау – угрозы для их страны и, наверно, обо мне.

Офис представлял собой длинный коридор, по бокам его за стеклянными перегородками сгибались за столиками сослуживцы. Почему-то подумалось: их держало и радовало отличие от древних гуннов, не имевших постоянного обиталища.

Там трудились астрологи и календаристы, занимавшиеся предсказаниями по звездам, парадам планет, гадалки, которые толковали знамения, давали рекомендации «счастливых» и «несчастливых» дней, как избежать ритуальных загрязнений, болезней и порчи, даже гадали на кофейной гуще.

Они повиновались манованиям их своеобразной интуиции и уверенно выкладывали нелепые заключения о будущем страны, из «нутряной» правдой гунна. Они покорны медленно убивающему времени на однообразной работе, с одними и теми же действиями для достижения проходного результата, вскоре становящегося устарелым. Со стороны глядят на странное бессмысленное буйство «не ограды», энергия которых непонятна.

Только сосредоточение всех в одной цели, правда, сомнительной, восстанавливало целостность мироздания. Это была целостность монотонности дела, за которым смутно чувствовалось сакральное – карьера и деньги, произошедшие из поклонения древних амулетам.

Но когда общее дневное сосредоточение оканчивалось, они мгновенно разлетались. Подлинными и свободными они были только в своих уродливых жилищах: забывали об обязанностях, дружбе, товариществе и прочих бессмысленных вещах. Смотрели на яблони в своих садиках, радуясь, что все тут свое, и ревниво следили, чтобы сосед не оттяпал ни сантиметра их владений. Это была настоящая свобода, выше

которой ничего нет.

У меня оказалась особенность, которой не было у сослуживцев: чувствовал, что дело не идет, и это заставляло меня тянуть его до воплощения в приемлемую форму, да еще тащить сослуживцев. Добросовестность – не из усилия, а неумения делать плохо и неряшливо. Такое же чувство испытывал я и ко всей их стране, явно ребячливой в своем постоянном внимании к потреблению и зависти к власти.

Это сразу заметили. Облысевший шеф, настоящий профессионал, то есть постоянно озабоченный клерк в налокотниках, целиком погруженный в серую бездну мелких деталей дела, которые он скрупулезно сравнивал с действующими нормативами и безошибочно делал выводы, внушавшие робость даже специалистов. Кроме этого маленького торжества, он не имел других радостей, другой любви, что могла бы вытащить его из этой ямы. Он всегда хотел сбагрить на другого часть своей ноши, и назначил меня своим помощником.

Я избегал обострения споров, навязываемых Савелом, набившимся в мои приятели, об их системе, прогнозах конца света, потому что не верил, что я изменю что-то своими предсказаниями.

Савел обычно задирает меня:

– Где твое благоговение перед жизнью, творящей добро? Где разрушающее зло? Это миф, такой же, как вечный мрак

не только после нашей смерти, но и в конце света.

– У нас знают смысл, чувствуют что живут полной жизнью. И у вас он должен быть.

Он едва сдерживал смех.

– Наш род живет, как живется, растит детей, добивается благ. Мы сидим по нашим углам, наслаждаемся своим уютным гнездышком, потаскивая в него что-либо модное, и точно знаем, что другие так же замкнуты в своих гнездышках, и не придут на помощь, если лишимся этого уюта. Потому и порвем за него. Наш девиз: живи, пока не помрешь. В этом наша национальная идея. Так будет вечно. Другой нет.

– Я говорю о смысле для всех, а не для отдельной ячейки. Люди живут без руля и без ветрил, когда нет цели, достойной существования на земле.

– Мир бесцелен. Ты рассказывал, что когда-нибудь погаснут звезды, погибнет вселенная. Глубина и тонкость души, о которой ты говоришь, явление мимолетное. Она исчезает в быте, где в основном чувства толстые, когда обыватель тупо убежден в чем-то сугубо практичном. Да, у неотесанных это постоянное состояние, и только иногда промелькнет вдохновение. Когда покажут денежку.

– Убежденность обозначает застой. В мозгу не вырабатываются новые связи. Застой в развитии – это устаревшая правда. Только взгляд в неведомое прочищает мозги.

– Но бывает, что убежденность опережает сегодняшний день.

– У знающих истину с рождения, как ты, совсем нет одиночества. Они в вате оптимизма, в которой исчезают все чувства.

– Ты говоришь, как наша куртуазная красавица – лицо любовных «позоров», призывающая к новым чувствам.

Он был уверен, что одержал верх.

* * *

Первое время у меня были психологические проблемы. Испытывал страшные неудобства: надо было спать на лежаке, без простыней, укрываясь тяжелой дерюгой, которая жестко тыкалась в нос, мыться из кувшина, садиться на горшок или на навозные кучи в коровнике, или выбегать в сад. Жить в полутьме колеблющейся свечи, в добродушной грубости окружающих. Вообразил, что забываю мой язык, повадки интеллигентного человека. Кем я стану? Но это неизмеримо лучше, чем одиночество погасшей, но еще светившей звезды, кем себя ощутил, приставши к острову.

Вскоре освоился с примитивной жизнью. Правда, улетучивались привычки цивилизованного человека, хотя регулярно делал зарядку и брил лицо, к удивлению гуннов.

Сослуживцы уже привыкли к пришельцу, хотя мои высказывания казались им необычными.

Я испугался, ощутив, как засасывает тесная раковина скованных представлений средневековья, не знающего о проры-

ве грядущих столетий.

Обычно с возрастом перестаешь открываться, на всякий случай, то ли из пришедшей целомудренной скупости существования, то ли опасаясь непонимания или кулаков насилия. Стал подлаживаться под насельников какого-то Острова, чтобы не быть «белой вороной», даже ощутил общее желание отнять земли гиксосов.

Каким стало мое мироощущение? Смотрю в окно на длинный серый дом с рядами темных одинаково узких окон, как будто за ними одинаковые камеры с униженными страдальцами в цепях, и возникает странное подавленное состояние.

Перестал видеть золотую бухту детства, хотя еще бегал на причал Острова, надеясь на что-то, оглушенный равнодушным грохотом кранов. С ужасом обнаружил, что новизна диковинного острова стала проходить, теряю интерес к странной чужой среде, к привычным общественным тусовкам, куда меня звал Савел, и только ирония и желание посмеяться делали их привлекательными. Я смирился в ритуале, и не хотел выделяться. Время для меня остановилось. Идеал общества гуннов.

Моя амнезия очень хорошо ложилась на природную амнезию насельников Острова. Они, рождаясь, прямо входят в идиотскую радость безмыслия. Выхватывают одно, что всосали с молоком предания. Не оттуда ли их самоуверенность?

Но я не мог быть похожим на типичного гуннского обывателя, погруженного в свое ограниченное существование и лелеющего свои предрассудки. У обывателя амнезия естественная, он не ищет из нее выхода.

Снова возникла невыносимая тоска по свежему воздуху будущего, то есть современному мне. Только там, на бескрайнем материке, где родные голоса соплеменников, не было бы тяжелого чувства несовместимости с чужой средой.

Как уйти от этой невыносимости? Избавиться от амнезии, воскресить себя, историю, в которой жил?

Я словно сжался, как, по-моему, все на этом Острове, экономил себя для будущего, из опасности быть раздавленным этим миром.

Вечерами мне удавалось вырваться к новым друзьям, называющим себя «неоградными». Они скорее были для меня отрадными, потому что среди них я не боялся за себя. Они как будто чувствовали во мне своего, и почему-то относились почтительно.

Я рассказывал им о моем мире, что мог вспомнить. О переходе к глобализации, то есть чудесном порыве к единству и гармонии, когда мир уже избавляется от ужасающей отчужденности деловой занятости, и уже есть покойное чувство полноты на земле, где окончились войны; о сознательном объединении Европы в одно целое, помогающей отстающим; о начале свободы в моей стране, далеко шагнувшей

от тоталитаризма.

Многое было им непонятно, но они жадно слушали. Больше всего поразились изменчивости нашей истории.

– И вообще, все дело в осознании, что мы не одни в мире. Хотя бы, есть еще мой мир, который вы не знаете.

Эдик сказал:

– Ты влияешь на нашу жизнь своим присутствием. Власть же боится, что все узнают об иной стране с высшей цивилизацией.

Я рассказал о своих походах на тусовки с «нобиями», они насторожились.

– Ты их берегись! Среди них могут быть летописцы доносов.

Мы с Ильдикой переглядывались. Я заворуженно отдавался ей взглядом, и она поддавалась, радостно смеялась мне в лицо. И тут же отворачивалась, словно стряхнув наваждение. Мое сожаление о ее недоступности исчезло.

В ней я вдруг ощутил целостность благоприятных противоположностей. Она была необходимой частью разбитого целого.

Без моего приятеля Савела, кажется, я уже не мог обойтись. Он знакомил меня с местным искусством.

Разглядывали парсуны с героями на конях, резко очерченными линиями, – с маленькими головами и огромными телами. В живописи и скульптуре поражало неумение худож-

ников передать движение, найти правильные пропорции фигур. Это знаки, останавливающие время, а не реальность. И в то же время живут традиции поисков желанного берега – Эдема. Порой взмах резца или кисти оживлял образ так, что была видна рука великого мастера. Здесь знали только натуралистический метод, и было много повторений одних и тех же замыслов и сюжетов, в них Савел находил мельчайшие отличия, которых я не видел.

В концертах на вечевой площади известных бардов и мёнстрелей я замечал своеобразие средневековья, но никак не мог понять, ради чего они поют.

На сцене они – чопорное подобие наших стремительных магов массового искусства, – в куртуазных костюмах, осыпанных блестками, плавно кружились, как на придворном балу. Известный певец тонким голосом кастрата пел о любви и расставании так, словно не было большого мира, и на этом кончалась маленькая жизнь человека зала. Он пел самоуверенно, уловив нутряной тренд в простом народе. Его поклонницы пожилые дамы плакали и бросали на сцену цветы.

Только театр показывал настоящее «зрелище» о роке и стойкости перед неизбежной судьбой – «Прометея» неформатного Эсхила.

5

Чем дальше, тем больше я убеждался, что эта страна находится внутри своей истории, как внутри муравейника, куда муравьи тащат свои былинки. Эта история для них – все. Заменяла им историю самой вселенной, где есть другие развития, более грандиозные, но которая ничего не может дать, «ни съесть, ни выпить, ни поцеловать», хотя она внутри них, всей своей таблицей химических элементов Менделеева. Так мне представилась их слепота, ограниченная пространством и временем.

Их летописцы-исследователи копаются в кровавых событиях отдельных судеб завоевателей, принимаемых за историю. Но земля со стороны космоса – маленький незащищенный драгоценный сапфир, который можно закрыть большим пальцем (как это сделал космонавт, ступивший на Луну), и в круговом движении фантастических планет, готовых сорваться со своих орбит, кроются другие конфликты, несравнимые с возней в муравейнике.

Впрочем, большинство считает, что знает историю и без изысканий летописцев. Им ли не знать! Потому не придают ей значения. Их настоящий интерес – свое гнездо, семья (они, как японцы, считают родственные узы более крепкими, чем общественный договор).

Политикой государства гуннов является поддержание вы-

соких истин – скрижалей морали и нравственных ценностей, данных Богом их истории и спрятанных в ларце-ковчеге. История с ее культурой – сакральное место для их выражения, ее деяниями прикрывают самое серьезное – хищные инстинкты. Ею, как занавесой, прикрываются для успокоения совести все темные и явные делишки политиков, публичных кумиров и простого народа, тайные слезы в частных владениях и пылкие речи на народных трибунах, где бьют себя в грудь, воюя за истину. Совесть – понятие растяжимое, как растяжима вселенная.

Известно, недоговаривают все. Ты открываешь рот и выдаешь только ту часть правды, которая требуется для слушающего. Здесь же выражение истин не скрытые симулякры, а открытое деловое использование их в своих целях. Это прачечные для отмыwania темных доходов. Подушки для амортизации социальных протестов.

Борьба за истины держит страну в постоянном напряжении, на острие горячих сиюминутных событий. Их надо постоянно доказывать, чтобы сохранять зыбкое равновесие между правящей кастой, малочисленными представителями списка самого известного рейтингового журнала удачливых людей «Богат», и послушным большинством населения. Великий дух исторического романтизма успешности скрывал импульсы экспансии.

Вторая сигнальная система здесь появилась только для того, чтобы скрывать правду, которая без языка становится на

виду, как у животных.

Поэтому подлинная правда простого гунна выражается мычанием, протоязыком, богато сдобренным матом (от слова «матерный», то есть порочащий мать). К нему примыкал и солдатский язык гуннского воинства, только тот был ограничен рамками сухой и прямолинейной лексики «Статута солдата и моряка».

Бранный язык произошел из древней истории гуннов, из тяжелого бранного труда грабежей, когда приходилось с проклятиями запугивать племена. Это противовес упрощающим стандартным клише слов, ублажающим жизнь и уничижающим грубую уникальность личности, не дающим ничего для взаимопонимания. Недаром властные структуры запрещают мат, пользуясь клише для успокоения населения. Потому долгое время, до прорыва матерного языка, не было выражения подлинной правды.

Во время зрелищ и «позоров» на устройствах с экранами перед носом обывателей отображались картинки жизни, то есть двигающиеся отпечатки схваченной верхушки волн сиюминутных страстей, желаний мгновенной известности и славы. Вываливалась наизнанку выражения самых темных правдивых желаний, всей матерной подноготной отдельного существования, вся мощь отрицания того, что устоялось веками.

В мате, произносимом простыми людьми не замечая, словно он приклеен к языку, особенно энергично прорезает-

ся грядущая уникальность личностей насельников этой страны. Хотя споры на этом языке ни к чему не приводят, кроме драки. Даже высокие заключения индукции и дедукции – из того же материала.

Мстительная правда мата стала широко изучаться учеными. Савел рассказал, как наш знакомый Летописец, работающий в Центре изучения языка, ступил на подготовленный грунт дороги, и укладчики покрыли его четырехэтажным матом. Он снял очки и вытащил свои таблички для записей.

– Молю, повторите това, което сказали!

Сторонники такого языка честили во все корки стыдящихся куртуазных дамочек – блюстителей нормы, считая их кастрированный язык лицемерием, недосказанностью и ложью.

Запрет мата властью ничего не дает. Все равно правда вырывается наружу грязным потоком.

* * *

Ко мне подошел подслеповатый Эдекон (Эдик), в очках, с волнистой шевелюрой до плеч, с которым познакомился на собрании «не ограды». Он работал в моем офисе, вернее, сидел в одной из ячеек за стеклянной перегородкой и, перебарывая сонливость, уходил в детское состояние озарений, светлых сферических миров, которые предчувствовал за пределами Острова, заноса карандашом на бумаге строч-

ки стихов. Он чем-то родственен мне: обладание вещами его не захватывает, физиологические потребности так малы, что если что-то будет угрожать смертью, он не приложит малейших усилий помешать этому.

Он стал читать стихи, сразу внушив мне, что не все потеряно.

*На краю земли или в космосе —
Высоко над бездною вод,
В новизне небывалой утесы
Одиноко встречают восход.*

Как я мог подумать, что здесь не найду родственную душу? А ведь он увлечен социальной борьбой, которая мне претила.

– Тебя зовут на утес. Единственное самое высокое место, откуда виден весь Остров и горизонт океана. На нем жили средневековые художники света, там достигали великих прозрений.

Я стал встречаться с «отрадными». Чувствовал, что моя зажатость, готовая к сопротивлению, тает, и могу быть естественным в их молодом воодушевлении. Но скорее всего, это было влечение к девушке, Ильдике.

Мы с Эдиком шли долго, продираясь через сельву. Дорога к утесу была почти непроходимой. Но Эдик знал незамет-

ные, тайные тропки.

Долгий путь в гору я преодолел запыхавшись. Наверху в упор увидел Ильдику. Она взгляделась как-то особенно.

– А ты ничего!

Видимо, поразила раскрывшаяся ей моя мужская жизненная энергия.

Ее присутствие близко, и казавшийся рядом у глаз безграничный океан смешивались в одно странное чувство. Она была так притягательна, словно в ней могли счастливо утонуть все вопросы, которые мучили меня.

Чувствуя, что можно, я взял ее за узкую талию и прижал.

– Что означают эти поползновения? – отодвинув мою руку, спросила она.

Внешняя восхитительная неприступность женщины – из свернутого в ней будущего, она не может допустить решительного шага, чтобы не напороться на не того самца, могущего обрушить жизнь. Не говорю о любви, она опасно ломает все страхи.

На вершине, площадке с одиноко гнущимся от ветра ковылем, открывался бескрайный океан, и сзади весь Остров. Там, в середине его возвышалась гора, потухший когда-то вулкан, образовавший этот остров. Но сейчас он дымился.

Мы долго, молча смотрели в слепящее марево океана.

Эдик, подвывая, читал свои стихи:

Только чайки парят над утесами,

*Только ветер, лишь ветер поет.
Что ж туда – уже не вопросами,
А печалью неясной влечет?*

Мне опять остро что-то напомнило, но уже не было привычной ностальгии.

– Здесь хочется произнести клятву, – сказал Эдик. – Земля так прекрасна перед бесконечной вселенной, и мы на вершине ее, и я не знаю, как защитить ее. Давайте поклянемся – посвятить себя ее защите.

Лицо Тео надменно застыло.

– Нас погубит слюнтяйство массы. Романтика утопии.

На меня смотрели, как будто я знал ответ. Я не знал, что ответить. Откуда они взяли, что могу быть арбитром? Стать ни на чью сторону? А ведь могут подумать, что осторожничаю.

– У меня впечатление, что здесь нет времени. Вы застыли, считая ваше состояние вечным. Это иллюзия.

Тео сказал:

– Правильно! Нужно определиться. Впереди жертвенная борьба.

Тео всегда уверен в себе, заранее зная истину, словно родился с готовыми убеждениями. У него нет экзистенциального чувства одиночества. Он внук замученного вождя революции, которая разразилась здесь много лет назад. И пепел деда стучал в его сердце.

Я попытался быть откровенным:

– В мире, откуда я пришел, тоже до сих пор не знают, что делать. Мы пытаемся глубже понять, что было и что происходит.

Тео сухо сказал:

– Мы творим историю, а не разбираемся в ней. Победим, если во всеобщем упадке духа появится тот, кому поверят, и пойдут за ним. Вождь! И его партия.

Я чувствовал в нем гордыню исключительности. У него постоянное нетерпение – решить эту чертову задачу пробуждения народа, застрявшую в голове. Это и в моем характере – нетерпение закончить даже не захватившее дело, забывая обо всем.

– Тогда я первый выйду из игры, – фыркнул косоглазый Эдик. – Хотите нового шаньюя?

Лицо Тео с острым носом медально застыло:

– Когда «новые гунны», глянув на непокорных, кивком решают их судьбу: на кол его! тогда нет смысла молча возвышаться над ними. Пока мы будем совершенствоваться, нас передавят.

– Почему? – я вдруг легко обошел железную стену его убеждений. – Горизонтальная оппозиция полезна. Всю жизнь прожить в одиночестве, и вдруг на митинге увидеть свои глаза в чужих... Когда возникает множество чистых глаз – вот что неодолимо.

– Что же, полагаться на естественное развитие? – непоко-

лебимо стоял Тео. – Когда просыпаешься с чувством несправедливости, и где-то по утрам в подъезде обнаруживаются спешащие серые люди, с которыми мы можем с усмешкой поговорить, и тут же забыть. Как тут отвратить от зла?

Мне не нравилась тупая убежденность.

– Нужно брать выше – бороться за спасение земли. И за себя – от нас самих.

На меня смотрели с недоумением. Моя харизма несколько поколебалась.

В окружении Тео роптали, меня просто не поняли.

– Можешь уходить, – сказал Тео. – Если мы тебе не нравимся.

– Наверно, я здесь чужой, – испугался я.

Ильдика страдальчески сморщилась.

– Вы не неоградные, а дворовые пацаны. Вечный раздор оппозиции! Пришелец несет в себе новый мир!

Эдик, глядя в сторону, сказал извиняющимся тоном:

– После революций старые представления уходят в подсознание, и держатся так крепко, что возвращаются снова. Но у многих уже прояснилось в голове: нужно обновление. Хотя трудно быть в постоянном напряжении, к которому их призывают.

– Вот и пробуждай сознание! – сдержанно-страстно сказал Тео. – Пока еще цел.

Ильдика поддержала Эдика:

– Он прав. Всегда есть чем жить, и быть счастливым, если

не впадаешь в уныние. Это не конец, чтобы уничтожать друг друга.

Как она чудесно держится! И в этом мире есть просветы, кудаходишь, как домой. Я словно знал Ильдику там, изначально.

Меня не поняли, потому что чувствовали нечто вместе с Тео, что невозможно выразить.

Эдик повернулся ко мне.

– Ты должен нас понять. Ведь мы ощущаем себя свободными только на этом утесе.

Наверно, эта легкость свободы и есть настоящая родина, ибо я уже не чувствовал себя покинутым.

Мой приятель Савел пригласил меня на региональное вече, то бишь конференцию, которые обычно организуют хитрые производители услуг при государственных органах, налагающие дань на каждого участника в виде организационных взносов. Я вспомнил, что у нас уже давно применялись телеконференции, где в спорах идеи разносились в воздухе по всем углам безграничной земли, и там же в воздухе затухали, разрешаясь в компромиссах. Здесь же обсуждали отдельные проблемы, не в силах сконцентрировать их вместе и открыть главное – тупиковость решений – страсть логики охватить глубину, диктовать сырой жизни, такой неохватной, что ни ума, ни бумаги не напасти.

Тема была интересная: «Как помочь бедным? Благотворительность и подаяние». Я взял у шефа разрешение на командировку, хотелось своими глазами увидеть страну, о которой много узнал от летописцев.

Вокзал! Я вспомнил заряженность его гулких залов странной человеческой энергией: там витает ожидание счастливой встречи, на чемоданах на конвейере видишь пылинки дальних стран.

Но вокзал оказался большой избой со спящими на жестких скамейках злыми пассажирами. Мы с Савелом, ставшим моим гидом, выехали из города в ржавом скрипучем

вагоне-кибитке, поезд волок пыхтящий, черный от копоти монстр, похожий на аппарат Черепанова. Вагон с надежно прикрученными деревянными скамьями, чтобы не унесли, был кропотливо изрезан гуннской матерщиной.

Проплыли мимо на крутой насыпи огромные буквы «Слава Шаньюю!»

По сторонам вдоль дороги у океана мелькали самодельные хибарки пригорода, сляпанные из подручных материалов – кривых листов железа, каких-то голых кривых кольев – даров моря, которыми огораживали и клочки земли с посаженными кустиками.

Неужели тянется хвост древних кочевников – не умеют налаживать быт и работать?

– Это брошенные деревни, – сказал Савел.

– Идет урбанизация?

– Переселение в города. Оставшиеся жители выживают сами.

Мы вышли на заросшей сухой крапивой станции. Снег уже припорошил мятую зелень погибшей травы, как в первый день оледенения. Вороны хрупали по насту лапами.

У станции увидели небольшой рынок. Бородатые рыбаки в фартуках, наброшенных на короткие халаты, зябли за прилавками из досок, предлагая рыбу. Савел сказал, что таких называют купцами. У нас все купцы! Нищая старушка-купчиха предлагала пучки лука. Они торгуют у дорог, у общественных мест, кто рыбешками, икрой или зеленью, кто до-

машиним скарбом, прогоняемые стражниками, если не дадут им на лапу.

– Гля, сезон снега подошел! – приветствовал нас рыбак в грязноватой робе, но явно расположенный к нам.

Здесь, в провинции, измеряли время не по часам, а по светлым дням и сезонам.

Купцы оказались широкими натурами.

– А, знаем! Чужденец. Слава от вас тут, как о пророке. Мы смекнули, что има и друга, прекрасна страна. Рыбак, пахнувший луком, со скупыми движениями, выработанными многолетней однообразной работой, пригласил нас в избу. Мне очень хотелось взглянуть на жизнь простых гуннов изнутри, и Савел нехотя поплелся за мной.

В избе была одна комната, в центре очаг. Поперек комнаты протянута перекладина, где висели котлы, вдоль стен – глиняные кувшины.

– Сожалеем, не можем правильно угостить, нечего жрать. Ядим постную рыбу да корневища растений, как праведные.

И подал миски с черной икрой, пиво и мед.

– У нас в лавках только хайвер да рыба. Не имам хлеба от ржи или пшеницы, а государство кажет: «Ако няма хлеба, то ядите рыбные деликатеси».

– Дефицит хлеба, – шепнул Савел, – наследие предков-кочевников, не желавших заниматься земледелием. И результат страшного мора от «огня святого Августина», из-за паразитического грибка в колосках ржи. А черной икры (хайве-

ра) навалом – перевыполнили продовольственную программу, авралом развели одних осетров в речках.

Они были сердечны, но не угодливы. Значит, это было неправдой! У них нет никакой агрессии гуннов. Видимо, подлинное чувство только то, что испытываешь при непосредственном узнавании. Когда судишь о людях, надо поставить себя на их место.

В них спокойно дремала неизбежность, они пассивно поддерживали систему. Наверно, не знали никого, могущего изменить их существование, кроме их жестокого Господа Мира и вождя нации.

Как мне рассказали, здесь полная свобода, в глухих углах власти нет. Пока не нагрянут отряды «новых гуннов», вселяя ужас, и мытари (от слова «отмывать» налоги местными старейшинами в обмен на реальные продукты недр).

В провинции по старинке официально покупали должности. Наместники провинций «сажались» без жалованья, на «кормление», и через некоторое время бедный чиновник становился богатым, а провинция бедной. С тех пор взятки, доходные места стали привычными.

После одной из побед над гиксосами те долго платили большую дань. И сейчас они тоже платят – уже взятки чиновникам, принимающим решения, чтобы оттянуть нападение на них превосходящими силами гуннов.

В городке были хорошие гужевые дороги. По сторонам

нагромождение однообразных домов, с продуваемые кривые улицы и площади (Гуннстрой не учитывает «розу ветров»), на окраинах те же самодельные хибарки, сляпанные из подручных материалов, огороды. Магазины с простыми названиями «Продукты», «Рыба», «Хайвер», «Пряности» (различные специи и приправы, в том числе вывозимые из страны гиксосов).

Поселились в гостинице уездного городка. Я испугался одиночества в грязном гостиничном номере. В окне внизу на карнизе набросанный дрязг, неровные булыжники дороги. И выбежал вон, где меня никто не ждет.

Вече собралось в беломраморном здании наместника центральной власти по провинции.

Большой зал ослепил светом голых электрических ламп по стенам.

Раздали программы и готовую резолюцию. Ее формулировки были оптимистичными, зовущими к дальнейшим свершениям дополнительно к уже свершенному.

– Так было всегда, – с ядовитой улыбкой говорил Савел. – Веками создавались планы и что-то строилось. Беспрерывно перекапывали и зарывали землю, и до сих пор все разворочено, везде остовы строек. Так и помрем, не дождавшись результата.

Я видел больше хижин за городом, где бородачи, веря только своим заскорузлым клешням, спасались плодами своих сетей, огородов и садов.

Савел разглагольствовал:

– После эпохи существования за счет грабежей и убийств обладателей имущества, прошли сотни лет. Что-то создавали, но призывали удвоить усилия, и без того удвоенные, – вот-вот создадим Эдем на земле! Но странно, все оставалось так, как и сотни лет назад. Все те же хижины, та же рыба. Но аборигены на окраинах – наши восточные народности размножаются быстрее, чем в центре. Вот загадка-то!

Он ожидал моей реакции, но я благоразумно молчал, читая вынутую из папки для гостей газету «Спешите делать добро!» Там были отчеты выездных приемных «Добрая традиция» о помощи нуждающимся: бесплатные поздравления, цветы и подарки инвалидам войн, выдача билетов ветеранам на круизы вокруг острова.

Меня, как личность известную, хотя сомнительную, посадили в президиум во второй ряд, вместе с ведущим «позоров» Савелом. Я, с измененным сознанием перед гипнотически загадочными взглядами зала, думал о словах Савела: мистическом разрыве между неутомимой работой власти по увеличению благосостояния и самим благосостоянием народа.

Грянул гимн гуннов «Достигнем обетованной земли!», все встали. То и дело раздавались клики – приветствия шаньюю, участникам местной власти.

Произнесли приветственные слова «столичные штукари», по выражению Савела, и сразу уехали по своим государ-

ственным делам, то есть на банкет к наместнику провинции. Разочарованные местные ораторы запоздало проговаривали свои предложения центру, от которого все зависело, отмечались выражениями преданности в опустевший президиум.

Обсуждали проблему дальнейшего улучшения жизни в провинции.

– Как помочь бедным? – вопрошал с трибуны знакомый красавец, которого я назвал Либералом, чмокая чувственным ртом. – Все знают, что природа гуннов воинственна и беспощадна. Суть человека – злобная и хищная. Поэтому идея добра должна быть навязана воспитанием, начиная с бурсы. Стремление основной массы к добру, терпение воспитывается в бурсе культурой, стремящейся быть благонравной. Иначе не выживем, перебьем друг друга.

Хищное и злобное вече взорвалось аплодисментами.

Понравившийся мне худенький ученый-книжник – Летописец с венчиком волос на лысине, воззвал тонким звенящим голосом:

– Ние треба запалить отново факел!

Зал насторожился.

– Запалить факел образования трудом, – успокоил летописец. – Тихий дискретный труд хуните – това е поддержка державы. Создает материальные блага – то и ценно.

– Правильно, воспитание у нас не предусматривает благотворительности, – радостно ощерился Савел.

– Но добро да буде с кулаками! – с места поднял мощный

кулак щетинистый бизнесмен-купец с бегающими глазами. – Не позволяйте, чтобы зло отнимало наше добро.

Савел шепнул мне: «Его могут посадить в долговую яму, поэтому он так старается».

Дали слово представителю Органа позоров и зрелищ.

– Сейчас все иначе, – насмешливо начал Савел. – добрые дела взяло на себя государство. Оно, как отец, берет на себя заботу о стариках, нищих и немощных. Бродяги выселены из городов. Теперь нет у нас нищих, и все тут!

– Да, впервые подавали бедным частные собственники, – громко возмутился бизнесмен. – Заслужил – се получай, но отработай. А сегодня требуют свое, отнимают.

– Вот-вот, – подзуживал Савел. – Не стало морали и ценностей. Люди стыдливо отворачиваются от просящего, якобы не замечая. Хотя, была ли вообще частная благотворительность? При наших-то наклонностях.

– Если не располагаешь миллионом тугриков – пошел в зад! – воодушевился бизнесмен.

Савел радостно подхватил:

– Кто еще не хочет в зад? Записывайтесь!

Все-таки хорошо, что на гуннских скуластых лицах всегда наличествует желание делать добро. Правда, за «свое» добро перегрызут горло.

Все выступающие говорили так, словно способны – прямо сейчас! – насытить население провинции. Откуда такая уверенность?

– Живот становится все добре и добре, – говорил круглолицый и узкоглазый заместитель наместника. – Теперь все ядят черную икру.

И здесь нашлись возмутители спокойствия.

Кто-то в зале выкрикнул:

– А что вы сделали?

– Всички проблемы поставлены под специальный контроль!

– Зачем нагоняете тоску! Уморили от вербального поноса!

С галерки слышалось:

– Вы восторгаетесь, что делаете доброе! Бойтесь революции, лицемеры!

Местный отряд «новых гуннов» бросился к возмутителям. В президиуме кричали:

– Откеда ви? Из комитета «подзаборных»?

Арестованных быстро уволокли куда-то.

Савел усмехался.

– И что, схлопотали? С рогаткой на вечные устои.

В перерыве Савел убеждал меня:

– С чего взяли твои друзья, что виновато государство – несколько десятков олигархов, правда, с тучей чиновников? Государство – нечто мистическое в головах людей. Оно распоряжается тем, что нагабит, и после своих расходов не может, как бы ни старалось, накрыть своими плодоносными крыльями всю страну. Материальные блага вырабатыва-

ет только народ, как правильно сказал наш летописец. Иллюзия надежды на вождей! Не дают средств? А как раньше жили древние, кому не на кого было полагаться? Наверно, не только грабили. Но и прятали все, что можно спрятать, тем и жили. Но почему-то государство веками делает вид, что оно благодетель, может все. Тут скрыт какой-то секрет.

– Почему же народ недоволен?

– Ты не прав, – подзуживал Савел. – Народ пассивен, его нужно подгонять к Эдему. Пусть это и безрезультатно, зато все в движении, все заняты. Это лучше, чем провалиться ко всем чертям.

Возражать ему не хотелось.

Регулярные вызовы в Орган расследований наводили на тревожные мысли.

Снова казенное учреждение со стандартными столами и голыми деревянными скамьями, спертый воздух, порожденным вековой тягомотиной скученных вместе людей, все время занятых изнурительной писаниной судебных бумаг.

На этот раз я составлял анкету с неожиданными вопросами о личной жизни и участии в движениях, докапывающихся до чего-то самого интимного, нужного их самопожирающему богу.

И снова вихрастый бойкий следователь в серой мантии дружелюбно глянул из-за бумаг:

– Ты оставил 20-верстовую зону. То есть преступление.

– Мне разрешили...

– У тебя было предписание, до какого места можно ходить.

Наконец, следователь радостно выложил, зачем пригласил на беседу.

– На тебя подали в суд. За клевету на существующую систему. Твои знакомые нобили. Пока можешь быть свободным. Но нельзя выходить из дома. Ты под домашним арестом. Имай, это честь для преступника, и мы пошли против воли раздосадованного населения.

И выписал мне повестку.

У меня было чувство, как, наверно, у Галилея перед Святой палатой инквизиции.

Свободный художник Савел посмеивался.

– Все естественно. Насилие заложено в природе. Ты сам рассказывал что-то неслыханное о космосе. Сплошь жуть! Планеты вонзаются друг в друга – дрызг! А солнечный ветер? Дыхание смерти. Так что, опалит, если окажешься рядом. Слава богу, сама собой смерть не приходит, даже в старости. Только при сшибке миров, природных ли, человеческих.

Я не был согласен.

– Каждое энергетическое тело совершает свой круг. Преждевременно ничего не должно совершаться. Может быть, только у вас.

– Откуда ты знаешь, что преждевременно? Другая сила, чтобы не погибнуть преждевременно, сохраняет себя, сталкивая другую в бездну.

– Так было в варварские времена становления вселенной. Сейчас все планеты крутятся по своим орбитам.

– Вот видишь, и ты за консервацию! Кто же потерпит, если все, что создано, полетит коту под хвост.

– В моем мире нет такой ситуации.

– Главное, не быть одному. Меня с детства воспитывали в общине. Совместный труд на полях в провинции, отряды

юных гуннов, общие цели. Все были вовлечены в общее дело.

– Вот и воспитали в ксенофобии. То есть в ненависти к опасному чужому.

– Ну, и что? – вздохнул он. – Ты вот говорил о каких-то фашистах. Но что делать, если только в общности, людной казарме уходит страх? Не хочется потерять род.

Взаимное раздражение было непонятым. В точке мироздания нарастал конфликт, и никто из нас не знал, где его корни. Только сейчас я увидел его беспокойное лицо, без признаков подлинного чувства – выражения души. Есть люди, у которых нет сомнений с рождения.

* * *

Орган пророчеств, вернее я, пользуясь богатыми архивами библиотеки в обители и на службе, провел кропотливые изыскания и подготовил доклад – долгосрочный прогноз развития страны. Это должно было быть нечто вроде доклада Римского клуба.

Утомленный непробиваемой рутинной равнодушной среды, я разразился откровениями. Не хотите слышать о неприятном? Нате вам пророчество!

История гуннов безвозвратно изменила их психологию. Никто не отвечает ни за что, ничего не желает, кроме уединения в своих нелепых жилищах и садиках. Весь настрой на-

шей жизни – это длительный, может быть, навсегда, упадок энергии.

В холодной, безучастной к людям стране во всех ее уголках, где жизнь движется механически, как жернова, которых надо опасаться, чтобы не засосало, а лучше всего бежать без оглядки в скорлупу своего уединения, – в этой стране назревает взрыв...

Наш вулкан Колосseo – это метафора изменчивости времени. Потревожили магму самой сути природы, добывая энергию набегам на нее. Сейчас катастрофа не очевидна, и потому все думают краткосрочно, не понимают, перед чем стоят.

«Нобили» живут разнообразным обжорством тела и духа, катаются в масле бессмертия, за счет все более скудных удобств большинства. Усыпляют себя развлечениями для умственных недорослей, считая, что так будет всегда. Несмотря на прозрения стариков, которые стали преобладать в результате демографического сдвига.

У населения Острова, прозябающего под густым облаком вулкана, в сгущающемся зловонном дыме примитивных «свечных заводиков» над задыхающимися городками, в бедной рассеянности окраинного населения, застыла многовековая привычка к одному и тому же состоянию его скудного существования.

Мы не готовы к угрозам, которые несет странная нестабильность Острова, оставленного в одиночестве среди миро-

вого океана.

Стремясь избежать мистики (то есть возможности сожжения на костре), я обосновывал пророчество ясными фактами и цифрами – показателями перехода системы за пределы ее возможностей, а затем – резкого спада. Сам предел не изменится при его превышении, да и система вряд ли изменится – просто исчезнет. Все определится скоро – при нашей жизни.

И в то же время это было желание изменить застывшее пространство и время в умах гуннов, выросших из порочных корней. Самое болезненное ощущение – это осознание, что надо менять привычки.

Наверно, от доклада веяло пророчеством того времени, когда грозный и беспощадный Бог сжег Содом и Гоморру. Но мой руководитель Органа пророчеств нашел в нем призыв к улучшению нравов. Доклад разослали по инстанциям под грифом «Секретно».

Я сделал ошибку. Послал доклад в здешние печатные издания, мало изменившиеся со времен Гуттенберга, но те сообщили, что материал не входит в их формат. В виде заметок он вышел в подпольной газете оппозиции, выпускаемой на нескольких листках второсортной бумаги и с расплывающимися буквами.

Наступило странное затишье. Казалось, заметки не произвели на публику никакого впечатления.

Здесь действовал закон всеобщего взаимодействия, в котором каждый подозревает другого, как носителя угроз – как

бы «они» не проглотили «нас». Так животное подозревает, что его кормят, чтобы съесть. Крупные торговцы проглатывают мелких, навязывают свои товары, чтобы мы зависели от них. Из этого возникла Большая теория заговоров. Какие-то могущественные силы управляют нами и хотят погубить.

Смешно верить, что чуждые элементы вроде меня, объединенные недоверием к власти, могли быть благожелательны к ней, протянули бы руку помощи.

Но атмосфера смягчилась зарождающимся плюрализмом мнений и толерантностью, и сейчас пророков обычно долго обсуждают в обществе и судах, и, наконец, все заканчивается общим осуждением и изгнанием тех, «кому больше всех надо», с работы и посадкой. Я испугался, что перешел все границы. Понял того беззащитного летописца, которого изгоняли на край света.

За мной явно следили. «Госдеп не успокоится, пока нас не сожрет». Оказывается, что-то помню из моей прошлой жизни! Откуда эта фраза? Что она напоминает?

* * *

Ко мне в кабинет вихрем ворвались двое: ангельски невинного вида девица с микрофоном и коротенький живчик оператор, сразу начавший устанавливать неуклюжую треногу допотопного проектора живых теней и прицеливаясь в меня ее глазком.

– Мы из «позора». Хотим познакомить зрителей с человеком не от мира сего, с ярко выраженной чертой гениальности – аутизмом.

Я был ошарашен вошедшими без приглашения, но присутствие женщин неизменно расслабляло. Красота всегда красота – и в средневековье, и в катастрофических превращениях будущего.

– Какая радость увидеть красивую девушку! Вы разгоняете скуку.

– Так будет конец света? – глядела она прекрасными рыбьими глазами. – Мы-то живем себе, и не знаем, что скоро нам – крышка.

– Мы не говорим о конце света, – глупо степенно начал я, все еще ошарашенный внезапным вторжением. – Только прогнозируем скорое проедание ресурсов и природную катастрофу.

– Как можете говорить об этом, когда мы победили и наслаждаемся солнцем, и всего кругом полно?

– Это так, когда смотрю на вас.

Я попытался пробиться сквозь толщу девичьего оптимизма.

– К сожалению, люди видят не объективный мир, но то, что сами обнаруживают как реальное.

– Это что-то непонятное, – почему-то заспешила она. – Мы о вас сделаем передачу. Станете знаменитым.

Вихрь вывернулся из кабинета, оставив неприятный след.

А на следующий день в «Жареных новостях» та же девица с рыбьими глазами весело рассказала, как познакомилась с заумным пришельцем, забывшим, откуда он родом. И крупно – мое лицо ловеласа, и отвратительно растерянный взгляд. Это сопровождалось картинками тайной сходки фанатов «Не оград», и на утесе их клятвой изменить родине.

– Чужденец приставал ко мне. И такие люди представляют оппозицию.

Я вообразил зрителей передачи, их страсть утром включать передачи «позора» и жадно слушать новости. Странное использование второй сигнальной системы, заглушающей их естественное нутро!

Сон не приходил, внутри сидела заноза страшного оскорбления.

Меня добивал Орган расследований. После показанного зрелища с рыбьеглазой корреспонденткой мне пришла очередная повестка.

Вихрастый бойкий следователь в мешковатой серой мантии был дружелюбен.

– Так у вас бойко обходятся с ледами? Интересно узнать.

Мне было невыносимо упоминание об этом.

– Да уж получше, чем у вас.

– Вот тут вы сказали... гунны не видят реальный свет, но то, что сами обнаружили как реальное. Что вы толкуете? Что наша держава – не настоящая?

Для меня, вытасченного из сада обители в тихих струях фонтана, он показался одним из темных существ агрессивного мира.

– Я только хотел сказать, что мы видим то, что представляем.

– Значит, ваши приятели представляют наше устройство по другому начину?

– Как и вы, по-своему.

– Е, добре... А что значит предстоящий конец света? То есть исчерпание ресурсов. Что ты знаешь? При исчерпании ресурсов всегда случаются бунты.

– Так не надо доводить.

– Ну-ну...

Следователь благожелательно протянул повестку.

– Будем разбираться дальше. Ты не должен исчезать.

– Рад бы, да из этого острова некуда.

– Мы не считаем, что наша страна «этот остров».

Я вышел на воздух. Разновидность вяло текущего холодного подсознания исчезла в превращениях облачного неба.

Мой приятель свободный художник визуализации Савел, оказалось, все время пасется в Органе расследований, добывая материал. Он прочитал мои заметки о впечатлениях от этой страны, и пригласил в таверну.

Встретил меня словами:

– Ваш утес – рассадник несбыточных желаний. Художни-

ки, которые там жили, принесли в нашу жизнь мечту, которая никогда не осуществится. Пространство задавило нас, и время исчезло. Есть другая реальность.

Я удивился, откуда он узнал, что я был на утесе.

За столиком он восхищенно потирал руки.

– Так держать! Главное – сделать из содержания форму, наворачивать на провокацию самопровокацию.

Почему-то принял мои заметки за провокацию. В его голове, заряженной на создание бешеного круговорота «жареных» фактов, виделись яростные схватки зомбированных людей.

Странно, мои впечатления были приняты как положительная характеристика народа, крепко стоящего на твердой почве его реальной депрессивной психологии. И начал понимать, зачем позвали заниматься предсказаниями. Хотели, чтобы народ, услышав правду, воспрянул от спячки.

Действительно, гнетущая отчужденность обывателей, занятых потреблением продуктов продвинутых средневековых технологий, извращений от скуки и лени обернулись отсутствием мужества и ответственности, начались ссоры в семьях, частые смены половых партнеров, зависть, и жить стало скучно. В мирное время отпускает вдруг и сразу, все недуги выбрасываются на поверхность. Начинаются депрессии, усталость и уныние.

Снова стала возвращаться ностальгия по древним инстинктам захватов и сопротивления, сильным личностям, ге-

роям, стойким и в поражениях.

Эти древние инстинкты ощущал в себе мой приятель Савел.

– Пришла пора мобилизации! – размахивал он вилкой. –
Надо отбросить все те качества, которые ты откровенно заметил. Хватит расшатывать волю общества. Смысл нашего существования – встряхнуться для новых свершений. Маленькая победа – вот что взбодрит нас.

– Я знаю другую модернизацию, – осторожно сказал я. –
Без завоеваний.

– Нужно объединиться с гиксосами – на наших условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.